ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

И. В. Мерсиянова

Социальная база российского гражданского общества

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/ST070809.pdf

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
http://www.hse.ru

URL:http://www.civisbook.ru

И.В. МЕРСИЯНОВА

Социальная база российского гражданского общества

Проблемы определения социальной базы гражданского общества

Трудности при изучении социальной базы гражданского общества имеют содержательный характер и связаны с неопределенностью значения самого понятия. Одни ученые делают упор на роли индивида как гражданина: "...если нет индивида, который исполняет публичную и обеспеченную правовой санкцией конституционного государства роль гражданина, то говорить о гражданском обществе не приходится" [Патрушев, 2007, с. 32]. Другие – на соответствующий гражданскому обществу тип личности, на обладание человеком определенных личностных черт. Например, Г. Дилигенский акцентировал внимание на способности индивида "конструктивно взаимодействовать с другими личностями во имя общих целей, интересов, ценностей" [Дилигенский, 1997], Р. Дарендорф – на способности индивидов реально отстаивать свою свободу [Дарендорф, 1993]. Большинство исследователей полагают, что гражданское общество возникает тогда, когда люди начинают понимать свои права и свободы, границы своей несвободы (см. [Шубин, 2007, с. 49]).

Некоторые ученые пытаются найти те социальные группы или слои, которые могут стать фундаментом гражданского общества, в первую очередь обращают внимание на роль среднего класса (см. [Балобанова, 2008; Симонян, 2008]). "Саморазвитие среднего класса имеет большее значение, чем развитие всего населения в целом, так как он может стать закваской, дрожжами, на которых взойдет подлинное гражданское общество в России, – утверждал Л. Гордон. – ... Не сомневаюсь, что когда сам средний класс станет у нас большинством, мы сможем сказать, что гражданское общество в России состоялось" [Средний… 2001, с. 220]. Иные подходы к проблеме связаны с приписыванием роли социальной базы слою предпринимателей, естественным церковно-приходским объединениям, владельцам собственности, неправительственным организациям и т.д. Одни рассматривают в качестве базиса гражданского общества неправительственные организации, другие, напротив, первоочередную роль в его конструировании отводят социальным движениям, акцентируя внимание на том, что гражданское общество формируется снизу вне институциональных рамок и в основном через протестные действия. "Именно в рамках этих социальных инициатив, новых гражданских структур происходит изменение политической культуры, возникают новые нормы, новые ценности, возникает и развивается солидарность на деле" [Клеман, 2007, с. 28].

На мой взгляд, основную роль в конституировании социальной базы гражданского общества играют люди, участвующие в социальных практиках гражданского обще-

Мерсиянова Ирина Владимировна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института проблем государственного и муниципального управления Государственного университета – Высшей школы экономики.

ства или, по крайней мере, ориентированные на это. Такая позиция подразумевает наличие у них определенной системы ценностей, навыков выстраивания взаимоотношений с другими людьми, организациями и органами власти, исходя из основных принципов гражданского общества. К социальным практикам гражданского общества относятся взаимопомощь и взаимная поддержка, частная филантропия и добровольческая деятельность, участие в работе негосударственных некоммерческих организаций, в местном самоуправлении и др.

Для определения социальной базы гражданского общества необходимо выявить также минимальное (оптимальное) количество признаков, по которым проводится анализ. Например, наличие у человека компетенций, позволяющих ему осуществлять общественный контроль над деятельностью властей (знание своих прав и обязанностей, способов защиты своих прав, знание структуры органов власти, объема их полномочий и зон ответственности и т.д.); способность защитить свои права, участие в различных социальных практиках гражданского общества, усвоение норм и ценностей гражданского общества и т.д.

Некоторые трудности возникли в связи с тем, что адекватное представление о социальной базе гражданского общества и ее характеристиках можно получить только при исследовании большой выборки, в которую попадают труднодоступные (для интервьюера) слои общества, граждане, вовлеченные в различные социальные практики гражданского общества. Такая возможность представилась в работе с массивом первичных данных по результатам массовых опросов населения по технологии Георейтинга, проведенного Фондом "Общественное мнение" (анкета разработана И. Мерсияновой, Л. Якобсоном при участии Е. Петренко)[1]. Опросы проводились в 68 субъектах РФ среди населения в возрасте от 18 лет и старше. Размер выборки в каждом субъекте РФ составил 500 респондентов, в целом по России – 34 тыс. респондентов. Во всех субъектах РФ применялись общие принципы построения выборки. Использовалась территориальная трехступенчатая стратифицированная выборка домохозяйств. Отбор домохозяйств проходил в три этапа. На первом отбирались административные районы, на втором – населенные пункты, на третьем – домохозяйства. Статистическая погрешность по каждому субъекту РФ не превышает 5,5%. Для суммарных результатов по всем субъектам РФ статистическая погрешность не превышает 1%.

Контуры социальной базы российского гражданского общества

Для анализа социальной базы гражданского общества была применена методика кластерного анализа, позволяющая выявлять такие группы респондентов, в которых синтезированы объединяющие их или разъединяющие сущностные признаки. В основу анализа были положены четыре критерия:

– готовность объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их интересы и идеи совпадают;

– вовлеченность в добровольческую деятельность и частную филантропию;

– информированность об общественных объединениях и других негосударственных некоммерческих организациях, гражданских инициативах;

– членство и/или участие в деятельности общественных объединений и других негосударственных некоммерческих организаций, гражданских инициатив.

В результате были выявлены четыре группы в составе социальной базы гражданского общества – ядро, сателлит ядра, буферная зона, периферия, а также группа аутсайдеров (см. рис. 1).

Ядро социальной базы гражданского общества составляют 7,7% россиян, которые декларируют свое членство и/или участие в деятельности общественных объединений и других негосударственных некоммерческих организаций, гражданских инициативах,

[1] Подробнее о методике проведения социологических опросов по технологии Георейтинга см. [Ослон, 2006].

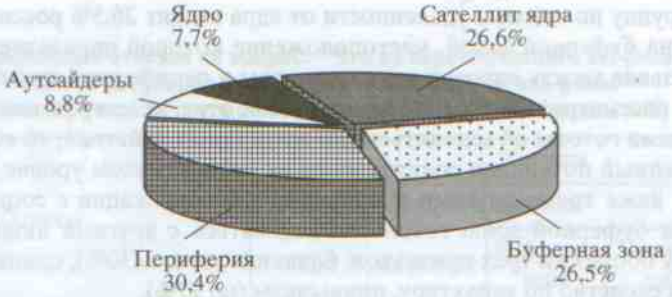

Рис. 1. Социальная база российского гражданского общества и аутсайдеры.

вовлеченность в отношения добровольчества и филантропии, готовность объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают, а также демонстрируют определенный уровень информированности. С какими людьми они готовы объединяться в первую очередь? Во-первых, с теми, кто находятся в одинаковой жизненной ситуации (29%), и с теми, с кем имеется сходство по культурному уровню (28%). Во-вторых, с людьми близкого возраста и с теми, с кем имеется сходство по характеру, привычкам (по 26%). В третью группу признаков общности по частоте упоминания входят одинаковые хобби, увлечения (22%) и участие в общественной жизни, общественная работа (20%). Представители ядра обладают некоторыми характерными социально-демографическими признаками: каждый третий представитель этой группы – с высшим образованием, практически каждый седьмой – москвич, каждый третий дает высокие оценки своего материального положения.

На противоположном полюсе находятся те, кто по рассматриваемым признакам вообще не могут быть отнесены к социальной базе гражданского общества (условно названы *аутсайдеры*). Размеры этой группы вполне сопоставимы с группой, названной ядром социальной базы, и составляют 8,8%. Эти россияне не готовы объединяться, не участвуют в добровольческой деятельности и филантропии, не информированы о НКО и гражданских инициативах и, соответственно, не участвуют в их деятельности. Эта группа характеризуется относительно низкой долей молодых людей в возрасте до 35 лет и высокой долей людей в возрасте 55 лет и старше. Можно утверждать, что это группа малообразованных граждан: практически у каждого второго образование – ниже среднего или среднее общее, высшее образование имеют лишь 8%. Это группа малообеспеченных в материальном плане граждан: 57% дают самые низкие оценки своего уровня жизни, когда денег не хватает даже на питание или на покупку одежды и обуви (в ядре таких в два раза меньше – 28%). Почти каждый второй в этой группе житель села (43% против 17% жителей села в ядре социальной базы).

К ядру социальной базы гражданского общества непосредственно примыкает относительно многочисленная группа, в которую входит практически каждый четвертый россиянин (26,6%). Она характеризуется признаками ядра, за исключением членства и/или участия в НКО и гражданских инициативах, и условно названа *сателлит ядра социальной базы*. Эти люди готовы объединяться с другими для совместных действий (в первую очередь, с людьми близкого возраста, с теми, с кем находятся в одинаковой жизненной ситуации и имеют сходство по характеру, привычкам), занимаются благотворительностью в широком смысле, информированы об общественных объединениях и других негосударственных некоммерческих организациях, гражданских инициативах. Данная группа очень близка по своим социально-демографическим характеристикам к ядру социальной базы. Однако образовательный уровень входящих в нее россиян несколько ниже, чем у составляющих ядро, и чуть реже в ней встречаются москвичи.

В третью группу по степени удаленности от ядра входят 26,5% россиян. Эта группа условно названа *буферной зоной*, местоположение которой определяет ее роль промежуточного звена между ядром с его сателлитом и периферией социальной базы. С точки зрения рассматриваемых признаков члены этих кластеров имеют сходство в том, что они сами готовы объединяться для совместных действий, то есть демонстрируют определенный потенциал солидарности на субъективном уровне, но не обладают двумя или даже тремя другими признаками идентификации с социальной базой. Представители буферной зоны готовы объединяться с другими людьми, в первую очередь, в силу общности трех признаков: близкий возраст (30%), одинаковая жизненная ситуация и сходство по характеру, привычкам (по 27%).

Периферию социальной базы гражданского общества составляют 30,4% населения России. Общим признаком является то, что они не готовы объединяться и сами относят себя к категории людей, не готовых объединяться с другими для каких-либо совместных действий, даже если их идеи и интересы совпадают. Характерно, что на периферии средняя численность видов НКО и гражданских инициатив, о которых информированы представители этой группы, выше, чем в буферной зоне (6 и 3 видов, соответственно), в ядре эта численность составляет 10 видов, в его сателлите – 8 видов, в группе аутсайдеров – 0.

Заметны характерные черты в социально-демографических портретах этих четырех групп, составляющих социальную базу гражданского общества, а также аутсайдеров. Так, соотношение мужчин и женщин в них весьма близко к среднему значению по выборке, лишь в ядре социальной базы едва становится значимым уменьшение доли мужчин и, соответственно, увеличение доли женщин. Доля молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет в этих группах уменьшается по мере удаления от ядра социальной базы, где она составляет 37%, а в группе аутсайдеров – лишь 26%. Похожая тенденция наблюдается и по населению в возрасте 36–54 лет, хотя она не так четко выражена, как среди молодежи; тем не менее в аутсайдерах их 29% против 38% в ядре. Доля пенсионеров, напротив, увеличивается по мере удаления от ядра с 25% до 45%. Это ставит под сомнение распространенную точку зрения о том, что молодежь пассивна, а пенсионеры общественно активны.

Что касается характеристик по образованию, субъективным оценкам уровня жизни и по типам населенных пунктов, в которых проживают представители рассматриваемых групп, то практически во всех случаях наблюдается линейная зависимость, когда по мере удаления от ядра характеристики групп изменяются от лучшего к худшему. Так, доля малообразованных россиян увеличивается в них по мере удаления от ядра с 23% до 56%, а доля людей с высшим образованием, наоборот, уменьшается с 35% до 8%. По типам населенных пунктов ярче всего проявляются два сюжета: самая большая доля москвичей в ядре (15%), которая уменьшается до 2% в группе аутсайдеров; доля жителей села возрастает с 17% в ядре до 43% в группе аутсайдеров. Доля россиян, дающих самые низкие оценки своему уровню жизни (это те, кому денег не хватает даже на питание или на покупку одежды и обуви), увеличивается с 19% в ядре до 33% на периферии и 59% у аутсайдеров.

Один из основных признаков дифференциации между ядром социальной базы и другими группами – место общественной работы, участие в деятельности общественных организаций, инициативных групп в структуре расходования свободного времени их членов. Так, каждый четвертый представитель ядра тратит на это свободное время вне дома, в то время как в других группах таких представителей насчитывается лишь 0,6–4,6%. Представители ядра вообще разнообразнее используют свое свободное время (см. табл. 1). Следует обратить внимание на то, что среди представителей ядра социальной базы гражданского общества чаще декларируются посещение церкви, добровольное участие в ее делах, групповые занятия по увлечениям, хобби, занятия в целях повышения своего образования.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: "Что из перечисленного вы более или менее регулярно делаете в свободное время вне дома?"
(выборочно, по группам социальной базы и аутсайдерам, в %)

Ответы	Группы				
	Социальная база				Аутсайдеры
	Ядро	Сателлит	Буферная зона	Периферия	
Хожу в кино, в театр, в музеи, другие культурные мероприятия	27	21	13	12	6
Хожу смотреть спортивные состязания	12	10	6	6	3
Занимаюсь спортом/хожу в спортклуб	16	10	6	5	3
Хожу на дискотеки/в танцевальные клубы	10	8	8	5	5
Хожу в рестораны, вечерние клубы, кафе, пивные бары	14	12	9	7	5
Хожу в гости	42	44	39	36	25
Уезжаю за город, отдыхаю на природе, езжу на рыбалку, за грибами и т.п.	48	45	33	33	19
Работаю на даче, в огороде, в саду	40	42	39	37	31
Гуляю с компаний друзей во дворе, по городу	24	26	21	16	12
Занимаюсь своим увлечением, хобби в группе, кружке, клубе и т.п.	24	15	10	9	5
Занимаюсь повышением образования, обучаюсь полезным навыкам, хожу на курсы, в библиотеку и т.п.	23	14	8	7	3
Занимаюсь общественной работой, участвую в деятельности общественных организаций, инициативных групп и т.п.	25	5	2	1	1
Хожу по магазинам в свое удовольствие	27	28	20	20	9
Хожу в церковь, добровольно участвую в делах церкви, религиозной, приходской общины	21	14	9	10	6
Практически нет свободного времени/свободное время провожу дома	6	8	15	18	31

Социальная база в контексте предпосылок развития гражданского общества

Рассматриваемые группы по-разному характеризуются в контексте предпосылок развития гражданского общества. Существуют как ярко выраженные различия, так и небольшие дифференциации. Из разряда вторых выделю блок характеристик, связанных с *социальным доверием*. Так, уровень социального доверия выше в ядре, сателлите и *буферной зоне* по сравнению с периферией и аутсайдерами, но и в этих трех группах он незначительно выше значения среднего показателя по всей выборке, составляющего 18% (см. рис. 2). При этом доли представителей рассматриваемых групп, которые видят позитивные или негативные изменения в уровне доверия людей друг к другу за последние годы, в них практически равны: увеличение уровня доверия заметно лишь для 9–13%, уменьшение – для 64–70% респондентов из рассматриваемых групп (средневыборочные значения – 11% и 67%). Больше доверяют в первых трех

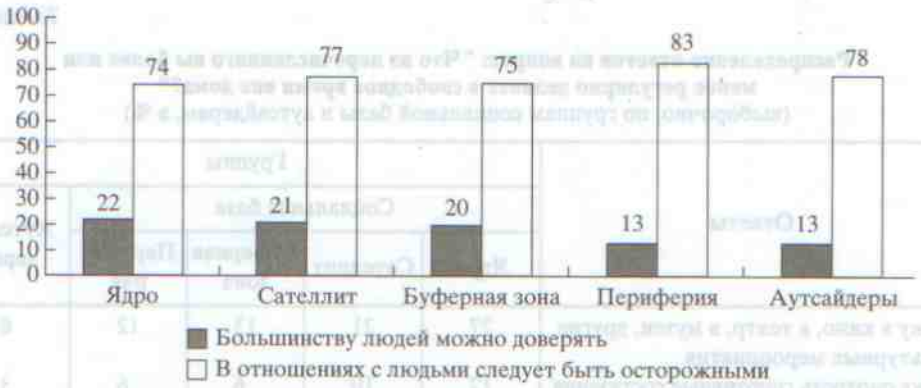

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: "Как вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?" (по группам социальной базы гражданского общества и аутсайдерам, без учета затруднившихся ответить, в %).

группах практически равные доли респондентов (70–73%), на периферии – 58%, а среди аутсайдеров – лишь 43%. При этом чаще встречают людей, с которыми много общего, респонденты из ядра социальной базы и его сателлита (по 85%), в то время как из буферной зоны – 79% респондентов, из периферии – 66%, из аутсайдеров – 49%.

Чаще и увереннее выделяют признаки общности представители ядра, что говорит о более развитой идентичности членов этой группы (см. табл. 2). Так, они чаще других упоминают (в порядке убывания) сходство по культурному уровню, участие в обще-

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: "Когда вы говорите, что у вас с человеком много общего, что из перечисленного вы имеете в виду?"
(выборочно, по группам социальной базы и аутсайдерам, в %)

Признаки	Группы				
	Социальная база				Аутсайдеры
	Ядро	Сателлит	Буферная зона	Периферия	
Сходство по характеру, привычкам	41	44	35	35	22
Сходство по культурному уровню	40	32	22	21	9
Близкий возраст	38	41	45	45	40
Одинаковые хобби, увлечения	35	30	24	22	14
Соседство по дому	22	23	25	24	23
Одинаковая жизненная ситуация	22	26	23	24	19
Сходство по образованию	19	17	13	12	7
Одинаковая профессия	19	21	16	15	8
Общее место работы	19	23	17	18	9
Участие в общественной жизни, общественная работа	17	7	5	3	2
Одинаковое вероисповедание	15	9	8	8	6
Одинаковое материальное положение	15	19	18	17	13
Сходство по семейному положению	15	16	14	14	10
Проживание в одном городе (селе, поселке)	14	15	15	12	13
Одинаковая национальность	13	14	13	11	10

Рис. 3. Доли респондентов по группам социальной базы и аутсайдерам (в %).

ственной жизни, общественной работе, одинаковое вероисповедание, сходство по политическим ориентациям. Наряду с представителями ядра члены его сателлита чаще других упоминают о таких общих признаках, как (в порядке убывания): сходство по характеру, привычкам, одинаковые хобби, увлечения, сходство по образованию, по профессии. В одинаковой мере важно для представителей всех групп соседство по дому, близость по возрасту, полу, материальному положению, по семейному положению, пребывание в одинаковой жизненной ситуации, одинаковая национальность, отношения с земляками и проживающими в одном городе (селе, поселке), и шире – с гражданами одной страны. Таким образом, у представителей ядра не только более развита идентичность, но она имеет ярко выраженный крен в сторону субъектности в общественно активном смысле.

Представители ядра и его сателлита, буферной зоны имеют практически одинаковое восприятие ситуации внутри страны с точки зрения сплоченности/разобщенности и согласия/несогласия между людьми. Однако доля россиян в этих группах, полагающих, что сегодня среди людей в нашей стране больше согласия и сплоченности, лишь немногим выше, чем в среднем по России (18% против 15%); эту точку зрения на отношения между людьми имеют 9–10% россиян из периферии и аутсайдеров. Что же касается своего непосредственного окружения, то представители ядра и сателлита чаще других полагают, что в нем больше согласия и сплоченности (67–68%); доля придерживающихся этой точки зрения из буферной зоны сопоставима со средними показателями по всей выборке (61% против 57%); на периферии и в аутсайдерах видят больше согласия и сплоченности в своем непосредственном окружении 47% и 37%, соответственно. По мере удаления от ядра к аутсайдерам уменьшается доля россиян в рассматриваемых группах, которые видят увеличение готовности людей помогать друг другу за последние годы (см. рис. 3).

Представители ядра социальной базы часто декларируют свою ответственность не только по сравнению с другими группами, но и по сравнению со средними показателями по всей выборке. Так, среди них чаще встречаются те граждане, которые ощущают ответственность за происходящее у них в доме, во дворе (62% против 49% по населению в целом); в их городе, селе или поселке (43% против 26%); стране (33% против 19%); в мире (23% против 13%). В остальных группах значения этих показателей сопоставимы со среднероссийскими (см. рис. 4). В целом по выборке ответственность за то, что происходит в семье, в полной или значительной мере ощущают 93% россиян, значения этого показателя по отдельным группам социальной базы и аутсайдерам находятся на сопоставимом уровне – в интервале от 92% до 96%. Доля тех, кто в полной или значительной мере ощущают ответственность за то, что происходит у них на ра-

Рис. 4. Доли респондентов по группам социальной базы и аутсайдерам (в %).

боте, выше среднероссийского показателя в ядре социальной базы и его сателлите (70% и 67%, соответственно, против 57%). В аутсайдерах таковых лишь 39%, что объясняется не столько особенностями гражданского самосознания представителей этой группы, сколько спецификой ее состава по социально-демографическим характеристикам. Так, 45% членов этой группы – в возрасте 55 лет и старше.

В ядре социальной базы гражданского общества по сравнению со среднероссийскими показателями чуть выше доля тех, кто в последнее время в той или иной мере чувствуют себя в безопасности (46% против 41%); в сателлите и буферной зоне – на сопоставимом уровне, на периферии и в аутсайдерах – заметно ниже. Представители ядра чаще других говорят о том, что они в последнее время стали чувствовать себя более защищенными, притом, что доля тех респондентов, которые стали чувствовать себя менее защищенными в рассматриваемых группах, находится на сопоставимом уровне и в интервале 41–45%. В ядре меньше, чем в других группах, доля тех, у кого ощущение личной безопасности за последние годы не изменилось. Представители ядра социальной базы чаще других называют бдительных соседей, старших по дому, по подъезду, общественные организации по месту жительства в качестве субъектов, которые лучше всего могут им помочь в обеспечении личной безопасности.

Представители ядра социальной базы вообще приписывают более активную роль населению. Так, каждый пятый россиянин (20%) из этой группы называет население в качестве субъекта, который в большей степени влияет на ситуацию в своем городе (селе, поселке), на решение вопросов местной жизни. Доля разделяющих эту точку зрения в других группах постепенно уменьшается с 15% в сателлите ядра до 7% в группе аутсайдеров. По оценкам представителей ядра, степень влиятельности населения даже выше, чем президента страны, хотя в других известных мне опросах населения за последние несколько лет, как в масштабах всей страны, так и в конкретных населенных пунктах президент всегда упоминается в качестве субъекта влияния чаще, чем население. Представители ядра в числе субъектов наибольшего влияния называют несколько чаще других общественные и другие негосударственные некоммерческие организации, политические партии и движения, территориальное общественное самоуправление (см. табл. 3).

В целом представители ядра и его сателлита выше оценивают влиятельность органов власти различных уровней на местную ситуацию, на решение вопросов местной жизни, чем представители других групп. Кумулятивный рейтинг по частоте упомина-

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: "Кто в большей степени влияет на ситуацию в вашем городе (селе, поселке) на решение вопросов местной жизни?"
(по группам социальной базы и аутсайдерам, в %)

Субъекты	Население в целом	Группы				
		Социальная база				Аутсайдеры
		Ядро	Сателлит	Буферная зона	Периферия	
Местные органы власти (мэр, администрация, депутаты)	72	75	76	71	72	59
Региональные органы власти (губернатор, администрация, депутаты)	40	43	45	35	41	29
Федеральные органы власти (правительство РФ, министерства, Государственная дума)	19	24	20	17	20	16
Президент страны	14	15	14	13	15	13
Население	12	20	15	11	10	7
Местные предприятия, коммерческие структуры, предприниматели	12	17	14	10	12	8
Руководители предприятий	12	16	13	11	11	8
Криминальные структуры, мафия	9	14	11	7	9	5
Средства массовой информации (печать, радио, телевидение)	7	14	9	5	5	2
Политические партии, движения	4	7	4	3	3	1
Территориальное общественное самоуправление	3	6	3	3	2	2
Общественные и другие негосударственные некоммерческие организации	2	5	3	2	2	1
Никто	3	2	1	3	3	9

ния среди влиятельных субъектов органов власти трех уровней составляет 141–142% в ядре и сателлите, 123% – в буферной зоне, 133% – на периферии, и 104% – среди аутсайдеров. Отчасти это может быть связано с нарастающей разочарованностью по мере удаления от ядра в отдельных сторонах деятельности органов власти. Так, доля тех, кто считают, что органы власти не понимают и не учитывают интересы таких людей, как он сам, постепенно увеличивается с 65% до 73% по мере удаления от ядра к аутсайдерам. Доля затруднившихся ответить таким же образом увеличивается с 9% до 17%. Каждый четвертый респондент (26%) из ядра социальной базы гражданского общества полагает, что власти понимают и учитывают интересы таких людей, как он сам, такого же мнения придерживается каждый пятый представитель сателлита и буферной зоны (по 20%), почти каждый восьмой из периферии (13%) и лишь каждый девятый из аутсайдеров (11%). Если же принять во внимание разницу между долями респондентов, считающих, что власти не понимают и не учитывают их интересы, и мыслящих по этому вопросу противоположно, то она увеличится по мере приближения к группе аутсайдеров в полтора раза.

Среди населения в целом не наблюдается серьезных различий по частоте упоминания тех или иных субъектов влияния на местную ситуацию в зависимости от того, довольны или нет респонденты положением дел в своем городе (селе, поселке). Тем не менее эта дифференциация просматривается по группам социальной базы и аутсайдерам. Во-первых, доля довольных положением дел уменьшается по мере удаления от

ядра с 42% до 28%, доля недовольных увеличивается в этом же направлении с 53% до 64%. В целом по населению доля довольных составляет 37%, а недовольных – 55%. Во-вторых, атрибуция ответственности, приписывание вины за неудовлетворительное положение дел в городе (селе, поселке) проявляется четче всего в ядре социальной базы, однако лишь в отношении органов власти регионального и местного уровней. Об этом можно судить по таким косвенным признакам, как доля респондентов, называющих их в ряду субъектов влияния на местную ситуацию. Представители ядра, довольные положением дел в своем городе (поселке, селе), заметно чаще среди субъектов влияния называют региональные и местные органы власти, по сравнению с недовольными. Субъекты же, которым приписывают вину, – криминальные структуры, мафия (эта атрибуция просматривается лишь в ядре и его сателлите).

Социальная база в контексте практик гражданского общества

Выделенные группы внутри социальной базы и аутсайдеры по-разному проявляют себя в социальных практиках гражданского общества. Так, в ядре в среднем декларируется *участие в двух видах НКО и/или гражданских инициатив*, при этом максимальное количество видов составляет десять, но чаще всего говорится об участии только в одном виде организаций и/или инициатив. Почти каждый третий представитель ядра – член или участник организации и/или инициативы (32%), работает безвозмездно добровольцем (30%); практически каждый пятый участвует в собраниях и конференциях (23%). Каждый шестой декларирует свое активное участие в делах НКО и/или различных общественных инициатив (17%), почти каждый восьмой помогает деньгами, пожертвованиями (13%). 9% представителей ядра являются инициаторами, руководителями или входят в состав руководящих органов организаций и/или общественных инициатив, работают в них за плату – 8%.

За последний год не делали *благотворительных пожертвований*, лично не давали деньги незнакомым нуждающимся людям, включая просящих милостыню, 34% представителей ядра социальной базы, 44% – его сателлита, по 60% – из буферной зоны и периферии, 77% – из группы аутсайдеров. При этом средняя сумма пожертвований в этих группах уменьшается от ядра к периферии: 3126 руб. в ядре, 1444 руб. в сателлите, 1324 руб. в буферной зоне и 850 руб. на периферии.

Представители ядра не только более активно включены в отношения частной филантропии, но и в отношения взаимопомощи, и вообще в добровольческую деятельность. Они, как и представители сателлита, чаще других в течение последнего года помогали другим людям деньгами (как в долг без процентов, так и безвозмездно), вещами, продуктами, давали профессиональные консультации, оказывали эмоциональную поддержку, присматривали за чужими детьми или престарелыми, участвовали в ремонте подъезда силами жильцов, дежурили на лестничных клетках. Заметно чаще по сравнению с другими группами представители ядра помогали другим людям в решении вопросов с официальными учреждениями, участвовали в организации мероприятий (досуговых, культурных, оздоровительных, спортивных, просветительских и др.), собирали пожертвования и иные денежные средства, работали в коллективных руководящих органах некоммерческой организации, участвовали в собраниях жильцов дома или подъезда, субботниках и других мероприятиях по благоустройству среды проживания.

В ядре социальной базы фиксируется и более высокий уровень *протестной активности*. Так, практически каждый шестой представитель ядра (17%) декларирует поддержку и участие в некоторых акциях протеста (пикетах, митингах, демонстрациях, забастовках, "маршах несогласных" и т.п.), которые проходили в его городе, селе или поселке за последние годы. Доля таковых в других группах уменьшается с 8% в сателлите ядра до 2% среди аутсайдеров. О пассивной поддержке акций протеста (когда сами не участвуют, но поддерживают) говорят 21–28% представителей всех четырех групп социальной базы гражданского общества и лишь 11% аутсайдеров.

Таким образом, социальная база российского гражданского общества, которую составляют люди, участвующие в социальных практиках гражданского общества или ориентированные на это, насчитывает не менее 90% взрослого населения России. Однако она неоднородна и может рассматриваться как совокупность, по крайней мере, четырех групп, дифференцированных между собой с точки зрения готовности их членов объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают, а также по степени вовлеченности в социальные практики гражданского общества (добровольчество, частная филантропия, информированность о деятельности общественных объединений и других негосударственных некоммерческих организаций, гражданских инициатив, участие в их деятельности).

Российское гражданское общество имеет потенциал наращивания наиболее многообещающей части своей социальной базы – ядра и его сателлита – за счет представителей буферной зоны, в которую входит каждый четвертый россиянин, уже имеющий положительную установку на объединение. Однако те качества, что позволят уверенно относить их к социальной базе, могут быть развиты только посредством формирования положительных установок на участие в конкретных практиках гражданского общества за счет повышения их уровня информированности о деятельности НКО и гражданских инициатив. В этом смысле актуальным становится вопрос о выработке и реализации государственной политики в области содействия развитию общественных инициатив, основными субъектами которой стали бы не столько органы власти, сколько сами структуры гражданского общества, способные взять на себя функции по формированию позитивного общественного мнения населения по поводу участия в общественной деятельности, добровольчестве, благотворительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балобанова Е.Г. Средний класс как объект исследований российских социологов // Общественные науки и современность. 2008. № 1.

Дарендорф Р. Мораль, институты и гражданское общество // Путь. 1993. № 3.

Дилигенский Г.Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro *et* Contra. 1997. № 4.

Клеман К. Возникают инициативные группы людей, которые пытаются самоорганизоваться // Горбачевские чтения. Вып. 5. Гражданское общество: настоящее и будущее. 1937–2007. Память и ответственность. М., 2007.

Ослон А.А. Мегаопросы населения России (Проект "Георейтинг") // Полис. 2006. № 6.

Патрушев С.В. Результатом становления и критерием гражданского общества является гражданин // Горбачевские чтения. Вып. 5. Гражданское общество: настоящее и будущее. 1937–2007. Память и ответственность. М., 2007.

Симонян Р.Х. Средний класс в современной России: миф или реальность? // Общественные науки и современность. 2008. № 1.

Средний класс в России (конференц-зал) // Знамя. 2001. № 2.

Шубин А.В. Гражданское общество возникает, когда люди начинают понимать границы своей несвободы // Горбачевские чтения. Вып. 5. Гражданское общество: настоящее и будущее. 1937–2007. Память и ответственность. М., 2007.

© И. Мерсиянова, 2009